

ма, без учета содержащейся в ней стилистической иронии, направленной против нарочитой красоты, манерности (хотя в данном случае, по отношению к Аркадию, это несправедливо, но Базаров расстроен, раздражен, а Аркадий подвернулся под руку), а главное, без учета того, как ярко и оригинально высказывается сам Базаров, несмотря на свои заявления, что «говорить красиво — неприлично» (там же). Тот же Аркадий возвращает ему неожиданную по своей лирико-иронической окраске *красивую* фразу: «Отчего ты так грустен? Верно, исполнил какой-нибудь священный долг?» (8, 302).

Базаров прицельно точен в полемике с Павлом Петровичем и, хотя далеко не всегда и не во всем прав, парирует и нападает искуснее своего оппонента. При всем своем «остаточном» нигилизме, в беседах с Одинцовой он высказывает зрелые, взвешенные, нередко мудрые суждения. В емкие, весомые словесные формулы облекаются глубина, сложность и трагизм базаровского мировосприятия в философских разговорах с Аркадием. Аркадию же адресованы его доверительные, хотя при этом тяготеющие к нейтрализации-обобщению, горько-шутливые признания, связанные с его поражением в любви, и отчески-покровительственные, шутливой назидательностью прикрывающие грусть прощальные слова, в том числе знаменательная в рамках нашей темы фраза: «Есть, Аркадий, есть у меня другие слова, только я их не выскажу, потому что это — романтизм, — это значит: рассыропиться» (8, 381). Он ведь и циничными фразочками по адресу Одинцовой («Этакое богатое тело! (...) Хоть сейчас в анатомический театр»; «Баба с мозгом»), в сущности, просто прикрывается, как дымовой завесой, чтобы не дать приятелю повод подумать, что *рассыропился*, подпал под очарование женщины.

Есть в его речи и стандартные, расхожие краски, которые он именно в качестве таковых и использует. Измученный своей безответной страстью, он на мгновение отводит душу в разговоре с очаровательной, но простенькой и бесхитростной Фенечкой, находя немыслимые в обращении к Анне Сергеевне, но соответствующие собеседнице своей ласковой простотой и шутливой стилизованностью слова: «Я люблю тоже, когда вы смеетесь»; «Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеек журчит»; «Эх, Федосья Николаевна! Поверьте мне: все умные дамы на свете не стоят вашего локотка» (8, 343—344). Г. Бялому показалось, что «все это очень далеко от Базарова, умного, желчного и глубокого. Это похоже на слова какого-то расшалившегося купчика». Если воспринимать Базарова как человека однозначного и однонаправленного и не чувствовать, что эти слова — игра, стилизация, шутка, психологическая разрядка, то, действительно, можно расценить эпизод с Фенечкой как «падение» героя,¹³ но тогда еще большим «падением» являются вышеприведенные реплики по поводу Одинцовой, хотя совершенно очевидно, что и в том и в другом случае слово не равно стоящему за ним смыслу, оно особым образом настроено на волну собеседника, соответственно стилизовано и значит совсем не то или не совсем то, что выражает. В обоих случаях Базаров не просто говорит — он совершенно сознательно пользуется словом как инструментом создания собственного образа в глазах своих конфиденгов, смущение прикрывая цинизмом, а теплоту и приязнь — приемами галантного плебея.

Базаров обладает абсолютным стилистическим слухом и даром возвращать другим героям их слова и интонации, свойственную им манеру речи. «Соблаговолите выбрать», — подчеркнуто вежливо произносит Павел Петрович, протягивая пистолеты. «Соблаговоляю», — иронизирует Базаров над

¹³ Бялый Г. А. Роман Тургенева «Отцы и дети». 2-е изд. Л., 1968. С. 87.